

А. И. ФУРСОВ

**Русский мир в глобальном мире:
внутренние и внешние факторы развития**

(Обзор докладов на 17-м и 18-м заседаниях
Русского интеллектуального клуба)

В конце 2007 года Институт русских исследований Московского гуманитарного университета завершил работу над проектным исследованием «Русский мир в глобальном мире: внутренние и внешние факторы развития»; руководитель проекта — директор Института русских исследований А. И. Фурсов, кандидат исторических наук. В проекте приняли участие В. В. Аверьянов, кандидат философских наук; С. А. Батчиков, кандидат экономических наук, председатель правления Российского торгово-финансового союза, член Совета Банка ОАО АКБ «Югра»; В. Ю. Винников, культуролог, ответственный редактор газеты «Завтра»; Е. Ижицкая, студентка IV курса Новосибирского государственного технического университета; А. А. Нагорный, кандидат исторических наук, вице-президент Ассоциации политологов АСПЕК, заместитель главного редактора газеты «Завтра»; В. С. Овчинский, доктор юридических наук, генерал-майор милиции в отставке, экс-руководитель Национально-

го центрального бюро Интерпола в РФ, советник Конституционного Суда РФ; Е. Г. Пономарева, кандидат политических наук, доцент МГИМО(У) МИД РФ; М. А. Хазин, президент компании экспертного консультирования «Неокон».

Авторский коллектив представил свой проект как «Доклад Института русских исследований Русскому интеллектуальному клубу». Этому были посвящены два заседания — 19 марта и 23 апреля 2008 года.

На заседании Русского интеллектуального клуба 19 марта 2008 года была представлена первая часть проекта, посвященная собственно русской проблематике.

А. И. Фурсов представил проект и его авторов, а также изложил методологию проектного исследования как общую (метод восхождения от абстрактного к конкретному), так и частную (методология изучения русской истории, коммунистического соци-

ума, его кризиса, постсоветского социума, глобализации).

В докладе «**Властная система постсоветского общества: фасад и его проблемы**» Е. Г. Пономарева дала характеристику состояния государственной власти в современной России в том виде, в каком она существует формально. Во-первых, был показан фасад, то, как внешне выглядит власть (государство); во-вторых, зафиксирована связь этой власти (прежде всего ее ядра — президентства) с различными социальными группами; в-третьих, обрисованы общие контуры властных и привластных элит.

Главное внимание было уделено институту президентства, тесно связанного с личностью Б. Н. Ельцина. Точками опоры президентства в РФ были и остаются верхушка чиновничества, новое российское чиновничество в целом; региональные политические структуры и элитные группы; бизнес-элиты, олигархические группы; прикормленная и поэтому обслуживающая режим интеллигенция («культур-буржуазия»); до 2000 года — западные «демократии».

Основными этапами становления президентства РФ Е. Г. Пономарева считает 1991–1993; 1993–1996; 1996–2000 годы; 2000 год — по настоящее время. Политическая элита постсоветской России рассматривается как институциональное наполнение властной организации. Особенности становления постсоветской элиты и ее характер определяются следующими чертами отечественной политики:

— инерционностью кризисных и трансформационных процессов, трудностями создания децентрализованной, но эффективной системы;

— высокой степенью конфликтности между малыми и большими группами, претендующими на политическую власть;

— сложным процессом распределения властных полномочий между президентскими, правительственными и законодательными органами власти;

— отсутствием правовой и гражданской культуры у активного большинства насе-

ления, наложившимся на банкротство социальных и экономических ожиданий;

— ценностно-нравственным и идейно-культурным вакуумом, который последовал за крахом коммунистической идеологии, на оценках и ориентациях которой выросло не одно поколение граждан России;

— ползучей дезинтеграцией государства как основы целостности российского социума и страшными перспективами и последствиями сепаратизма региональных групп;

— внешними факторами.

Становление российской элиты как социальной группы, считает Е. Г. Пономарева, самым непосредственным образом связано с периодами общественной трансформации. События начала 1990-х годов привели в правящий класс немало людей, совершенно не связанных с бывшей советской элитой, не имевших управленческого и какого-либо организационного опыта, вышедших из самых разных социальных групп (спортсмены, священники, врачи, журналисты, экстрасенсы и т. д.).

С 1993 года начинается процесс возврата представителей номенклатуры во власть. По данным Института социологии РАН, в окружении Б. Ельцина с 1994 года бывшая партийно-хозяйственная номенклатура составляла 75%, в правительстве — три четверти руководителей ведомств. Такое положение вещей не свидетельствует об исключительно негативных тенденциях в процессе формирования постсоветской элиты.

После избрания Президентом России в 2000 году В. Путина процесс элитообразования переходит на качественно новый уровень. Его отличительными чертами становятся: моноцентричная власть, подчиняющая себе и контролирующая политическое и информационное пространство, прагматизм и даже утилитаризм (истинно то, что полезно), замедление темпов развития институтов гражданского общества.

Существенным компонентом современной политической элиты федерального и регионального уровней стали руководители или работники силовых структур (ФСБ, СВР,

МО, МВД, УВД и др.). Избрание бывших военных главами регионов, назначение полномочных представителей Президента в федеральных округах, структуры Правительства и Администрации Президента — одна из наиболее заметных тенденций в реструктуризации политической элиты.

Новые субъекты политической и экономической жизни дали толчок к формированию финансово-промышленных групп (ФПГ), что стало следствием такого явления, как *олигархия*. В постсоветской России слова «олигархия» и «олигарх» достаточно часто выступали в качестве синонима «номенклатуры», обозначая тех, кто обладает властью и деньгами. С аналитической точки зрения термин «олигархия» используется как характеристика небольшой группы людей — от 10 человек до нескольких (50) семей — пользующихся своим влиянием на политическую власть с целью реализации своих властно значимых интересов. Применительно к России оценивается личное могущество и те блага, которые оно способно принести. Пик «популярности» этого понятия пришелся на период после выборов президента Б. Ельцина в 1996 году и вплоть до финансового кризиса августа 1998 года.

В постсоветской политической системе существуют две параллельные элитные структуры: *центральная* и *региональная*.

В ельцинский период региональные элиты имели следующие особенности: организация деятельности по принципу управленческих команд, жестко подчиненных главе исполнительной власти в регионе; наличие на каждом уровне региональной управленческой пирамиды своих вождей с собственной командой; тщательно маскируемая вовлеченность административной элиты в приватизационный процесс; связь многих представителей элиты с организованной преступностью и теневым бизнесом.

Последствия дефолта в меньшей степени отразились на региональной элите. За период 1998–2000 годов произошел новый передел собственности. Принадлежавшие олигархам структуры перешли в руки местных

администраций или аффилированных с ними компаний. В литературе процессы перепричастности и национализации «неэффективных» предприятий после дефолта принято называть *бархатной национализацией посткризисного периода*.

В целом Е. Г. Пономарева охарактеризовала политический режим РФ как криптодемократический, характеризующийся «неформальной институционализацией».

В докладе «Постсоветский социум — общество либер-панка» А. И. Фурсов отметил, что в конце XX века произошла двойная смена модели развития русского мира: во-первых, переход от коммунизма (системного антикапитализма) к посткоммунизму (периферийно-криминальной версии капитализма); во-вторых, переход от взпэковско-великодержавной модели (СССР — антисистема) к сырьевой финансово-зависимой (РФ — часть капиталистической системы).

С середины XIX века у России было только два варианта существования в мировой системе. Первая модель — интеграция в систему в качестве ее сырьевого, а следовательно, финансово-зависимого элемента. В перспективе ее реализация вела к сдаче позиций страны на мировой политической арене, проникновению иностранного капитала, ослаблению суверенитета, нарастанию социально-экономической поляризации внутри страны, нарастанию социальной напряженности, угрозе восстаний/революции, гражданской войны, распаду страны. Все «прелести» этой модели, которую условно можно назвать «моделью Александра II», Россия испытала в 1905–1917 годы.

Вторая модель — превращение России в системный антикапитализм, в антикапиталистическую подсистему мировой системы (которая становится полем противостояния капитализма и антикапитализма). Такое превращение возможно только на основе создания военно-промышленного комплекса (ВПК), мобилизационной экономики, относительной автаркии по отношению к внешнему миру, высокой степени социального контроля центроверха над верхами, а верхов — над ни-

зами. Результат реализации этой модели («сталинской», «красной империи») — сверхдержава СССР, космический рывок, биполярный (ялтинский мир).

По целому ряду причин в 1970-е годы начались эрозия советского коммунизма/взпэковской модели интеграции в мировую систему и превращение номенклатуры в квазикласс (с помощью иностранного капитала и криминалитета). Результат — крушение советского коммунизма, распад СССР и возникновение постсоветского социума как структуро-процесса разложения коммунистического строя.

Одна из главных политико-экономических особенностей постсоветского общества, согласно А. И. Фурсову, заключается в следующем. В свое время на Западе собственно капиталистическому накоплению, с которого и начинается капитализм как система (формация), предшествовало первоначальное накопление капитала — внеэкономическое, силовое перераспределение собственности. Если в ядре капсистемы два эти процесса в XVI–XVIII вв. носили диахронный характер, то на полупериферии и периферии капсистемы в XIX–XX вв. они приобрели синхронный характер, причем довольно часто первоначальное накопление душило, забивало или, по крайней мере, блокировало собственно капиталистическое накопление, т. е. развитие капитализма, который в этом случае вырождался в некапиталистические, паракапиталистические, а то и просто криминальные формы. Именно это и произошло в РФ в 1990-е годы. Здесь продолжающийся передел собственности полублокирует-полудеформирует капиталистическое накопление, придавая ему уродливый, а то и просто криминальный характер. В результате: процессы социального распада доминируют над процессами социальной организации; место социогенеза (классогенеза) нового общества занимают коррупция и криминализация как формы самоорганизации наиболее активных сегментов населения; на месте разрушившейся социальной организации никак не сформируется новая («социум-каша»); не

происходит консолидации господствующих групп («элит»); постоянно размывается середина общества, стремительными темпами нарастает социально-экономическая поляризация; идет процесс размывания нижних этажей социальной пирамиды — русских низов, их место занимают мигранты; налицо демографический и морально-психологический кризисы; растет опасность распада страны по этнорегиональному и этнорелигиозному принципам.

Все это усугубляется тем, что на руинах коммунистической власти формируется не нация-государство, а корпорация-государство (КГ).

Если цель нации-государства — включение в фактический политико-экономический процесс максимума населения, проживающего на территории данной юрисдикции, то задача КГ принципиально противоположная — исключить из политико-экономического процесса те сегменты населения, которые не приносят прибыль в качестве первичных (производители) или вторичных (потребители) объектов эксплуатации, т. е. отсечь от «общественного пирога» как можно большую часть «нерентабельного населения».

В то время как базовой единицей организации нации-государства является индивид (имеет место совпадение физического и социального индивида), то в КГ базовой единицей организации является коллектив как социальный индивид. Это может быть чиновный клан наверху властно-социальной пирамиды, этническая (этнократическая) группа, диаспора, криминальное сообщество и т. п. КГ предполагает кланизацию общественно-экономической жизни, часто на криминальный или этнический (иногда на криминально-этнический) лад.

В докладе «**Российская организованная преступность (мафия) как форма социальной организации жизни**» В. С. Овчинский показал, что уже к концу 1990-х годов организованная преступность стала формой не просто криминальной, а социальной организации жизни в России. В главе показаны истоки социокриминализации русской жизни в 1990-е; дана ти-

пология участников организованных преступных сообществ (ОПС) («лжепредприниматели», «гангстеры», «расхитители» («госворы»), «коррупционеры», «координаторы».

По мнению В. С. Овчинского, официальные цифры численности активных членов (12 тыс.) ОПС (450) занижены, цифру «12 тыс.» можно множить на 8–10.

В качестве примера криминализации В. С. Овчинский привел Дальний Восток, характеризующийся наиболее низким уровнем безопасности среди регионов РФ. В значительной степени регион контролируется ОПС «Общак» (торговля лесом, автомобилями, морской промысел, розничная торговля бензином, проституция, попытки проникнуть в алмазный бизнес и даже в проект «Сахалин-1»). «Общак» создал сеть низовых ячеек — территориальную организацию, альтернативную легальной.

ОПС РФ и Дальнего Востока в частности развиваются не только сами по себе, но и как часть глобальной криминальной системы — «криминального интернационала». На Дальнем Востоке это китайские триады и японские якудза. Их деятельность совместно с русским криминалом — одна из серьезных угроз национальной безопасности России. Организованная преступность сегодня в РФ есть следствие слабости нации-государства, с одной стороны, катастрофически нарастающей социально-экономической поляризации. «Бандитский капитализм» есть функция и следствие главным образом двух этих факторов, и капитализм этот, заключил В. С. Овчинский, вступил в последний этап своего развития. По окончании этого этапа — либо полная криминализация и распад страны, либо восстановление нации-государства и декланизация власти.

Не меньшую угрозу для НБ РФ, чем системная социокриминализация, не меньшее «окно уязвимости» представляют национальные проблемы, точнее — этнорелигиозный фактор. Этой проблеме был посвящен доклад В. В. Аверьянова «Этнорелигиозный фактор дестабилизации и национальная безопасность России».

Среди угроз национальной безопасности РФ В. В. Аверьянов выделил, с одной стороны, несколько идейно-политических направлений (русофобия, исламофобия, ортодоксофобия) и некоторые оргструктуры сепаратистского (воинствующие ваххабиты, радикальные шовинисты в республиках, тоталитарные секты) и — объективно — подрывного характера (ряд неправительственных организаций, работающих в РФ в интересах Запада).

Анализируя политические и иммиграционные риски, которые могут привести к распаду РФ, автор считает возможной реализацию следующих сценариев складывания политической карты построссийского пространства:

1. Сохранение номинально суверенной РФ *а)* при превращении Дальнего Востока и Восточной Сибири в подмандатную территорию США (противовес экспансии Китая; подвариант — установление китайского контроля над этими территориями); *б)* при сепаратизме Северного Кавказа, особенно если центральная власть будет противодействовать проникновению кавказских элит на федеральный уровень.

2. Падение авторитета и власти федерального правительства и региональная фрагментация, которую будет усиливать внешнее воздействие (мотив — контроль над энергоресурсами).

3. Переструктуризация геополитического пространства на основе инновационно-технологического прорыва, восстановление исторической России.

Особое внимание в докладе В. В. Аверьянов уделит использованию исламского фактора как одной из главных, если не главной этнорелигиозной угрозы безопасности страны. «На примере ислама весьма рельефно можно увидеть, что подтачивание безопасности страны происходит одновременно с двух сторон — нагнетания исламофобии, с одной стороны, и культивирования по существу псевдорелигиозных радикалистских настроений в среде российских мусульман», — пишет он. Псевдоислам провоцирует исламофобию — и возникает порочный круг.

Национальные интересы России, заключил В. В. Аверьянов, состоят в том, чтобы уклониться от участия в так называемой «схватке цивилизаций», не позволить вовлечь себя в конфликт с исламским миром, чего — объективно — добиваются как псевдоисламисты, так и их либеральные критики.

На заседании Русского интеллектуального клуба 23 апреля 2008 года была представлена вторая часть Доклада Института русских исследований МосГУ «Русский мир в глобальном мире: внутренние и внешние факторы развития», посвященная проблемам глобализации.

В докладе «Феномен глобализации: теория, практика и последствия» А. И. Фурсов дал общую характеристику глобализации, осветил вопрос ее происхождения (научно-техническая революция, Холодная война, наступление мирового капиталистического класса на рабочий и средний классы с целью перераспределения совокупного дохода в свою пользу). Была дана общая периодизация глобализации. Основными следствиями глобализации А. И. Фурсов считает крушение соцлагеря и распад СССР, изменение отношений ядра и периферии капиталистической системы, ослабление нации-государства и возникновение корпорации-государства (не путать с корпоративным государством), тесно связанного с новой фракцией мирового капиталистического класса — корпоратократией, и ухудшение положения среднего и рабочего классов. Глобализация подталкивает капитализм к системному кризису, поскольку лишила его некапиталистических зон, которые можно превращать в капиталистическую периферию — зону дешевой рабочей силы и рынков сбыта.

Глобализация — это далеко не только стихийный процесс, во многом это управляемый хаос. Эта мысль была центральной в докладе С. А. Батчикова «Глобализация — управляемый хаос». Как подчеркнул докладчик, сорок лет назад на Западе было решено демонтировать систему «мягкого», кейнсианского капитализма и вернуться к социал-дарвинистскому «капитализму истоков». Средст-

вом этого возвращения стала глобализация. Глобализация под эгидой США — это попытка сменить парадигму развития посредством кардинальной перестройки мировой экономической системы, международного права, культуры и статуса наций и народов. Но эта судорога погружает человечество в болото непримиримых противоречий еще глубже.

Уже в 1990-е годы апологеты постиндустриализма и глобализации подверглись критике на самом Западе — это сделали А. Турэн, Ж.-П. Кантен, Ж. Эллюль и многие другие. Та часть российских политиков и ученых, которые в 90-е годы занялись пропагандой неолиберальной глобализации, совершили подлог, умолчав об этих выводах ведущих западных социологов.

«Симметричным ответом» на неолиберальный фундаментализм США стал постмодернистский фундаментализм террора. После терактов в США 11 сентября 2001 года виднейшие философы (Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, С. Жижек и др.) пришли к выводу о том, что глобализирующийся мир производит террор как свой собственный продукт; терроризм не является внешним и автономным от глобализации явлением.

Глобализация, подчеркнул С. А. Батчиков, привела к взрывному развитию антисоциальной и антигуманной философии и морали, консолидировала ее носителей и выразителей. Как будто все темные и низменные силы, которые до этого прятались в порах общества и на социальном дне, вдруг вышли на улицу и атаковали прежний порядок. Это *революция отщепенцев*. Ставшая возможной благодаря важным прорывам в технологии, эта революция *регрессивна*, это *революция гуннов*. Это касается и России, в элите которой под давлением ее западных наставников происходит интеллектуальный регресс, сдвиг от идей Просвещения к антирационализму.

Конечно, сходные процессы наблюдаются и на Западе, там это уклончиво называют *постмодернизмом*. Но в России они приняли такие радикальные формы, что правиль-

нее было бы говорить не о постмодерне, а о *контрмодерне* — регрессе к дологическому типу мышления.

Врагом и объектом ненависти глобальных кочевников является любое национальное государство — кроме «империи золотого миллиарда». В действиях глобализаторов прежде всего именно против национального государства видно, что глобализация — это далеко не только стихийный процесс, но и процесс управляемого хаоса, с помощью которого глобальная фракция мирового капиталистического класса крушит все, что не вписывается в ее «прекрасный новый мир». О «создании хаоса» и «усилении эксплуатации критичности» (создаваемых ситуацией) открыто говорят теории и практики этих процессов.

Так, С. Манн (высокостатусный дипломат, «курировавший» СССР, а ныне — Россию, с 2004 года — спецпредставитель президента США по евразийским конфликтам) называет главными инструментами «создания хаоса» «содействие демократии и рыночным реформам» в тех странах, которые выбираются в качестве объекта. Ясно, что именно технология «управляемого хаоса» была использована против СССР в 1980-е годы, а сегодня используется против РФ. Помимо «содействия демократии и рыночным реформам» используются и такие методы, как разжигание мятеж-войн, втягивание верхушки в «большую коррупцию», меры, направленные на перестройку массового сознания, финансово-экономическая война и др.

М. А. Хазин выступил с докладом на тему «**Современный финансово-экономический кризис: его цивилизационные основания и сценарии социально-экономического развития России**» (в проекте Института русских исследований раздел, подготовленный М. А. Хазиним, выполнен им в соавторстве с **Е. Ижицкой** из Новосибирского государственного технического университета).

По мнению М. А. Хазина, современная мировая финансово-экономическая система не имеет перспектив развития. В основе этого лежит простой факт: мировой ВВП (по

паритету покупательной способности) — 60 трлн долларов, скорость роста — 4% в год, тогда как совокупный долг субъектов экономики США — около 50 трлн долларов, скорость роста — 10% в год. Темпы наращивания долга — 5 трлн долларов в год — составляют около половины ВВП США, а это значит, что подавляющая часть новых финансовых активов не имеет под собой никакого обеспечения. Ну а поскольку доллар — «мировая валюта», его проблемы — это проблемы мировой финансовой системы, которая оказалась в сложнейшей ситуации, из которой возможны два выхода.

Первый — принудительная остановка пирамиды долга с последующей последовательной реструктуризацией, второй — его «сброс», массовый дефолт. Но первый вариант натывается на то обстоятельство, что по тому же паритету покупательной способности США потребляют около 40% от мирового ВВП. И разница с собственным производством — практически в два раза, обусловлена как раз эмиссией — как долгов, так и денег (под их оборот). И остановка этой эмиссии — это мгновенное падение совокупного потребления в США в два раза. Даже у нас в 1991–1992 годы падение было всего на 40%. Можно себе представить, что будет — а ведь падение на этом не остановится, будет еще задействован структурный и институциональный факторы, каждый из которых может вызвать дополнительное падение еще на несколько десятков процентов.

Второй вариант не намного лучше — сброс долгов, массовые дефолты — это, фактически, повторение варианта 1929–1930 годов, дефляционный шок, то же самое падение, только растянутое на несколько лет. Отметим, что этот вариант, в отличие от первого, может произойти и самопроизвольно, как это было в 1929 году. Собственно, чуть и не произошел в августе 2007 года — и только колоссальные вливания ликвидности и снижение ставки в США, провоцирующие рост инфляции, «выправили» ситуацию. Вот и пытаются мировые финансовые власти протя-

нуть ситуацию еще хоть чуть-чуть. Но конец уже достаточно близок.

Далее М. А. Хазин представил модель современной мировой финансово-экономической системы в том виде, в каком она складывалась с XVI века. Особое внимание докладчик уделил следующей прогрессии. Технологический прогресс требует усиления разделения труда, а это, в свою очередь, расширения масштабов рынка продаж соответствующих товаров. Еще в XVIII — начале XIX века в Европе была масса реально независимых в технологическом смысле государств. А уже к началу XX века объем рынка, который было необходимо контролировать по настоящему независимому государству, составлял где-то около 50 млн потребителей. В этот момент в Европе осталось только пять-шесть государств, имеющих реально самодостаточную экономику. К 1970-м годам объем рынка, гарантировавший независимость, составил 250–300 млн человек. Таких государств было два — СССР и США. Отметим, что Китай и Индия на тот момент можно было не принимать во внимание — они не были потребительскими рынками в современном понимании этого слова, их экономика во многом носила натуральный характер.

Однако мировая экономика продолжала развиваться, и к концу третьей четверти XX века объемы рынков, необходимые для нормального развития самодостаточной экономики, достигли величины порядка миллиарда человек. И стало понятно, что в мире (разумеется, при сохранении парадигмы мирового развития, иными словами, технологического прогресса, условия, как понятно сегодня, не такого уж тривиального) может остаться только одно независимое государство. Как это обычно и бывает в истории, однозначного ответа на вопрос о том, какое это будет государство, история не дала (хотя это утверждение и не понравится апологетам нынешних США).

Исчезновение СССР вынудило США непосредственно контролировать его бывшую сферу влияния, и с этой работой они явно не

справляются. Резкий рост терроризма, который, кстати, был создан и развит самими сверхдержавами в рамках противоборства друг с другом, и потеря контроля над ним связаны как раз с разрушением системы мирового паритета и «Ялтинской» системы. А уж последующий рост роли Исламского глобального проекта уж точно стал следствием исчезновения СССР (из чего не следует, что такого роста бы не было при ином развитии ситуации).

Однако главное не в этом. На ресурсе рассыпавшегося СССР США совершили очередной технологический рывок и встали перед необходимостью финансировать следующий, который потребует для своей окупаемости уже, грубо говоря, не 5, а около 10 млрд потребителей, а их просто нет физически.

Несмотря на надвигающийся кризис, в западной экономической литературе, подчеркнул М. А. Хазин, полностью отсутствует (за исключением работ А. Ларуша и его школы) системное описание возможных последствий предстоящего (вероятного или, если принять концепцию настоящей статьи, практически неизбежного) экономического кризиса. Если в 1990-е годы это еще можно было бы списать на последствия засилья монетарной экономической школы и/или тоталитарный характер американского общества, то в последнее время, когда отдельные критические явления американской экономики широко обсуждаются, такое объяснение становится уже явным упрощением ситуации.

Необходимое (хотя недостаточное) условие выхода из кризиса — установление контроля над ссудным процентом, что предполагает возврат к социалистическим идеям. Сегодня традиционное христианское общество значительно проигрывает Исламу, точнее Исламскому глобальному проекту. И установить его в рамках христианских идей будет достаточно сложно — поскольку все христианские конфессии продемонстрировали свою слабость и (по большому счету) преступную толерантность по отношению

к Западному глобальному проекту, построенному не на примате справедливости (пусть и по-разному понимаемой), а на примате наживы. В условиях экономического кризиса требование справедливости, причем не абстрактной, а эффективной справедливости, станут быстро нарастать, что еще более увеличит темпы экспансии Исламского проекта. Вот только победа его почти неминуемо приведет к быстрой деградации современного технологического общества в западных странах и России.

Сегодня, считает М. А. Хазин, в большинстве стран бывшего СССР и Восточной Европы начинается локальная версия мирового кризиса. Уже с середины 2008 года, в этих странах начнут происходить финансовые кризисы, выражающиеся в дефолте и последующей взрывной девальвации или гиперинфляции, которые спровоцируют мощнейшие экономические катаклизмы. Но в отличие от ситуации российского дефолта 1998 года, который произошел на фоне достаточно хорошей мировой экономической конъюнктуры, что позволило начать немедленное восстановление, данные кризисы произойдут в условиях прогрессирующей общеэкономической мировой рецессии. Таким образом, эти страны будут лишены как внешних рынков, так и иностранных инвестиций и кредитов. А если учесть значительную деиндустриализацию всех этих стран, которая была проведена под руководством ЕС, США, ВТО и Всемирного Банка, а также сохранение достаточно высоких цен на энергоносители, то перспективы подавляющего большинства наших западных и южных соседей по восстановлению экономики выглядят очень печально. Это — инфляционный сценарий для России.

Дефляционный сценарий будет реализован, если США откажутся (или будут вынуждены отказаться, как это произошло в начале 1930-х годов прошлого века) от стимулирования собственного (а значит, и мирового) потребления. Такой сценарий вызовет резкое и одномоментное уменьшение мирового совокупного спроса, резко вырастет

мировая конкуренция. В США и во всем мире резко сократится объем финансовых активов, фактически экономика перейдет на «товарные» сценарии XIX века, при котором финансовые рынки играли чисто вспомогательную роль, а роль мирового разделения труда резко упадет из-за существенно упрощившегося спроса.

Валютные зоны в этом случае «в чистом виде» сформироваться не успеют, в результате чего падение совокупного спроса будет не только более быстрым, но и более сильным, чем в предыдущем сценарии. Фактически, это сценарий является продолжением сценария разделения ныне единой долларовой зоны, в рамках которого разделяются валютные зоны на совсем уже малые образования. В результате, степень фрагментации мировой экономики резко вырастет.

Цены на нефть не просто упадут — они станут очень низкими, практически на грани себестоимости, для части российских месторождений — и за гранью, поскольку действующих месторождений очень много, а ключевым элементом себестоимости станет транспортировка. Для России, которая является одним из крупнейших экспортеров сырья, в первую очередь нефти и газа, последствия такого развития событий будут крайне неблагоприятными.

В этом случае велика вероятность практического распада центральной российской власти, поскольку ресурсов на поддержание регионов у нее просто не будет. Каждый из них будет выживать самостоятельно, причем наилучшая ситуация будет в регионах аграрных, а ценность полезных ископаемых (которые еще нужно будет транспортировать) резко упадет. Относительные преимущества получат регионы Дальнего Востока, у которых будет очевидный потребитель ресурсов, хотя и здесь будут проблемы, поскольку не очевидно, что Японию и Китай депрессия не затронет очень сильно. В любом случае вероятность распада страны по сценариям 1917–1918 и 1991–1992 годов очень велика. Но в рамках этого сценария практически исчезают и внешние силы, ограничивающие сего-

дня развитие страны, что дает некоторую возможность по жесткой компенсации потерь по сценариям Гражданской войны 1918–1921 годов (в отличие от вариантов 1990-х годов).

Вывод: Сильный кризис Россия не переживет — поскольку состояние современных элит крайне низкое по своему качеству. Но и без кризиса она обойтись не может — поскольку только кризис способен стимулировать общество на хотя бы частичную смену элиты.

С докладом «Стратегические угрозы для России со стороны США и Китая: сравнительный прогноз («Глобальный треугольник» XXI века)» выступил А. А. Нагорный (раздел проектного исследования, который лег в основу доклада, выполнен А. А. Нагорным в соавторстве с В. Ю. Винниковым).

Дав краткую предысторию сегодняшней ситуации, А. А. Нагорный зафиксировал интересы «углов» «глобального треугольника» следующим образом.

Для США: освоение российских ресурсов китайской рабочей силой за американские деньги. В этой модели Соединенные Штаты продолжают выступать в роли глобального рантье, получающего одновременно природную, эмиссионную, интеллектуальную и потребительскую ренту, за КНР закрепляется статус «мастерской мира» по производству низко- и среднетехнологичных товаров, а за Россией — статус «сырьевой колонии», свалки отходов и (в лучшем случае) поставщика «пушечного мяса» (для охраны объектов американской собственности на российской территории от «желтой опасности»).

Для КНР: развитие внутреннего рынка за счет использования российских ресурсов, вытеснение США с позиций глобального лидера: сначала финансового, затем информационного, затем технологического и, наконец, военного; продолжение геополитической экспансии в «желтую» Азию и Латинскую Америку, расширение этнического присутствия на российском Дальнем Востоке и на тихоокеанском побережье США. В этой модели Россия выступает сырьевой и отчасти науч-

но-технологической опорой для «полета красного дракона» в южную часть Тихого океана, а Соединенные Штаты — главным противником Китая.

Для России: системная модернизация общества с максимально возможной «отстройкой» от победившей в 90-е годы и продолжающей доминировать в «эпоху Путина» логики «догоняющего развития» и «открытых границ». Сегодня уже понятно, что мы не сможем противопоставить Америке собственную военно-технологическую и информационно-финансовую мощь — точно также, как не сумеем противопоставить Китаю адекватную по масштабам демографическую и экономическую политику. Единственным шансом России являются инвестиции (прежде всего — за счет природной ренты) в уже имеющийся «человеческий капитал», подразумевая под ним вовсе не нынешних пропитанных коррупцией олигархов или бюрократов и не инокультурных мигрантов, а как раз подавляющее большинство российского населения.

Нет никаких сомнений, что практический сценарий реализации системно-динамических интересов, имеющихся у государств «глобального треугольника», скорее всего, не будет представлять собой какой-то один из них «в чистом виде». Куда вероятнее, что в итоге равнодействующая сил, как это нередко бывает в «больших системах», приведет к трансформации (или разрушительной деформации) самой «большой системы» и/или составляющих ее подсистем.

Охарактеризовав нынешнюю ситуацию в США и Китае, А. А. Нагорный отметил нарастание конфликтного потенциала отношений между США и Китаем. Что касается РФ, то в 1990-е годы ее геостратегический, военно-политический, экономический, социокультурный потенциал неуклонно деградировал, сама РФ находилась в фарватере Вашингтона, беспрекословно выполняя его указания, роль и значение федерального Центра падали.

В период президентства В. В. Путина главенствующая роль Центра была в значитель-

ной степени восстановлена. После «оранжевой революции» на Украине геополитическое отступление России прекратилось. В то же время продолжают развиваться неолиберальные реформы, растет социальная и экономическая поляризация.

По данным академика Д. С. Львова, в ноябре 2006 года разрыв между наиболее и наименее экономически обеспеченными регионами страны по показателю подушевого регионального продукта составлял 60-кратную величину, по объему инвестиций на душу населения — 150 раз; по уровню потребления — 30 раз, по уровню безработицы — 24 раза и т. д. При этом на долю 15% населения России приходилось около 85% всех сбережений, 57% денежных доходов, 92% доходов от собственности и 96% всех средств, расходуемых на покупку иностранной валюты.

Сколько-нибудь продолжительное время усидеть сразу на двух стульях: «просвещенного патриотизма» в политической сфере и либерального монетаризма в сфере социально-экономической — Кремлю вряд ли удастся. И это закладывает под нынешнее «процветание» мощнейшую бомбу замедленного действия. Вопрос только в том, когда и в какую сторону эта бомба «рванет» — и каковы окажутся последствия этого взрыва для России.

А. А. Нагорный следующим образом ранжирует системные угрозы для РФ:

1. Внутрисистемные угрозы.

а) ценностные (идеологические) противоречия; прежде всего речь идет об утрате российскими властными элитами собственной адекватной модели (образа) будущего; наиболее отчетливо это проявилось в том, что при провозглашенном курсе на «суверенную демократию» деньги РФ держит в чужих карманах;

б) оперативные (политические) противоречия; наиболее отчетливо проявились в ситуации вокруг «выбора преемника»;

в) социальные (функциональные) противоречия: неравенство, коррупция, деиндустриализация.

2. Внешние системные угрозы.

а) системные угрозы со стороны США — политическое и экономическое давление, стремление поставить под контроль ядерное оружие РФ и вытеснить ее из СНГ;

б) системные угрозы со стороны КНР — демографическая экспансия на Дальний Восток и в Сибирь.

С учетом того, что Китаю в самое ближайшее время требуется от России надежный тыл (военно-политический, технический и сырьевой), отметил А. А. Нагорный, интересы России и Китая стоит признать взаимодополняющими друг друга, а не противоречащими друг другу, как это происходит в отношениях России с Соединенными Штатами, и — тем более — во взаимоотношениях между США и КНР, тесно связанных между собой прежде всего торговыми и, в меньшей мере, финансовыми отношениями (свыше 1 трлн золотовалютных запасов Китая номинировано в долларах).

Отсюда следует, что системные угрозы для России со стороны КНР могут быть практически полностью нивелированы, если Россия будет а) достаточно сильной, чтобы сохранить свою геополитическую целостность и не допустить блокады Китая Америкой в Центральной Азии; б) достаточно богатой, чтобы начать полноценное освоение Сибири и Дальнего Востока; в) достаточно многолюдной, чтобы собственными силами обеспечить значительную часть потребностей Китая в сырье; г) достаточно развитой, чтобы создать на ближайшие 10–15 лет «высокотехнологический задел», позволяющий Китаю не опасаться военно-технологического превосходства США.

3. Совместные американо-китайские (или китайско-американские) угрозы; они для России могут возникнуть только в случае невыполнения этих четырех основополагающих условий.

Главной угрозой «прямого», а не «зеркального» повторения сценария, реализованного в конце 80–90-х годов прошлого столетия, для России выступает проамериканская «сеть влияния» и продолжение реализации либерально-монетаристского курса

в социально-экономической сфере на государственном уровне.

С этой точки зрения, считает А. А. Нагорный, Китай выступает как «естественно-исторический» союзник России, поскольку его системно-динамические интересы, в отличие от американских, не противоречат российским, а, напротив, являются взаимодополняющими. КНР не вмешивается во внутренние дела России, не насаждает свою агентуру в российскую элиту, не ведет идеологической обработки российской молодежи и российского общественного мнения. Наконец, Китай, как и Россия, заинтересован в структурном укреплении государства как главного стового хребта собственной цивилизации, в то время как США в долгосрочном плане ведут линию на демонтаж и нивелировку государства как структуры в будущем мире и замены его глобализационной универсальной системой под собственной эгидой.

Нынешний ракетно-ядерный потенциал России позволяет ей оставаться в военном отношении «неприступной крепостью» как для Китая, так и для Америки, не позволяя им разговаривать с Кремлем языком диктата и ультиматумов — как минимум, до периода 2012–2015 годов. Вместе с тем это не гарантирует от попыток Вашингтона «объесть большой пирог по краям», провоцируя направленные против Москвы конфликты своей клиентеллы на постсоветском пространстве, включая ситуацию внутри России. С другой стороны, Китай будет делать в ближайшее время все возможное, чтобы достичь глобального военного паритета с Америкой. А это, в свою очередь, требует от российских властей достаточно быстрой и эффективной модернизации своих стратегических ядерных сил.

В заключительном докладе — «Русский мир в глобальном мире — кризис: общество, наука, образование» — А. И. Фурсов представил основные выводы проектного исследования. Они заключаются в следующем.

1. На рубеже XX–XXI веков русский мир вернулся к той модели существования в ми-

ровой системе, которая имела место на рубеже XIX–XX веков; эта модель отличалась такими чертами, как сырьевая ориентация, высокая степень зависимости от иностранного капитала; доминирование процессов социального распада над процессами социальной организации; резкий рост экономической поляризации и социальной направленности; социокультурная деградация населения; космополитизация («денационализация») значительной части верхов и т. п. Практически все эти черты в еще более остром виде проявились в постсоветском социуме, усиливаясь таким фактором, как глобализация. Крушение исторического коммунизма и распад СССР были не только геополитической катастрофой, но и проявлением кризиса русского мира в условиях неадекватной его природе интеграции в мировую систему. При сохранении указанной формы интеграции в мировую систему перспективы сохранения целостности и суверенитета России, существования русских как нации и русского мира как особого социокультурного типа нельзя признать обнадеживающими.

2. В условиях, когда одной (меньшей) части населения открыты неограниченные и в то же время внезаконные возможности обогащения в рамках и посредством КГ, а для другой (большей) части остро стоят проблемы социального (если не физического) выживания и сохранения морально-психологической устойчивости и идентичности, формами адаптивной самоорганизации жизни на разных уровнях становятся коррупция и криминализация. Это — по закону обратной связи — блокирует формирование как социально упорядоченных (а не асоциальных) форм жизни, так и нормальной социальной структуры, в результате вместо нормального социума мы имеем общество-кашу, многие связи и скрепы которого носят асоциальный характер.

3. Еще одно противоречие текущей русской реальности заключается в следующем. Впервые за время с середины XVI века русские с 1991 года составляют большинство (80%) населения страны, и впервые возникла возможность создания нации-государства,

т. е. приведения в соответствие содержания, в котором русские всегда были державообразующим народом, и формы. Однако формирование корпорации-государства как агента/единицы глобальной системы создаст форму государственности, альтернативную и конкурентную по отношению к национальной (в этом — одна из причин отношения нынешней власти к русскому вопросу).

4. Одно из главных противоречий постсоветской власти, если не самое главное, заключается в попытках реализации курса «просвещенного патриотизма» при дальнейшем углублении курса неолиберальных реформ, отсекающих от «общественного пирога» до 70–80% населения. В социальной политике указанное противоречие конкретизируется следующим образом. По мере нарастания кризисных явлений в русском мире и глобальном мире центроверх власти окажется перед выбором: за чей счет решать дальнейшие проблемы накопления, экономического развития — за счет изъятия продукта у слоя коррумпированных чиновников и бизнесменов (плутократии) или у населения. Хотя власть в ходе неолиберальных реформ со всей очевидностью перекладывает бремя экономического развития прежде всего на население, окончательный выбор до сих пор полностью не сделан, о чем, помимо прочего, свидетельствует риторика «просвещенного патриотизма» и социальной ориентированности. Однако как только будет окончательно «проедено» советское наследие (материальный задел, инфраструктура, социально-психологические коды и т. п.), а это произойдет не позже середины следующего десятилетия, а возможно и раньше — в 2010–2012 годах, придется делать выбор, что в любом случае означает острый социальный конфликт, типологически сходный с 1565 годом (введение опричнины) и 1929 годом (отмена НЭПа).

5. Именно на указанные сроки — 2010–2012 годы и не позже 2015 года — аналитики прогнозируют глобальный финансово-экономический кризис, который, совпадая с нашим внутренним кризисом, многократно усиливает и осложняет его. Кризис этот имеет двойст-

венное значение для РФ: сильного кризиса РФ не выдержит и развалится, а без кризиса трудно представить себе возможность смены элиты на национально ориентированную.

6. Финансово-экономический кризис, о котором идет речь, надо рассматривать как элемент общего кризиса капсистемы. Глобализация как многоаспектный феномен является **одновременно** порождением, симптомом и причиной этого кризиса. Глобализация в ее нынешнем виде есть не что иное как пересортировка-выбраковка огромной части человечества. Господствующими группами она в качестве управляемого хаоса используется как социальное оружие сильных мира сего из ядра капсистемы в борьбе за контроль над миром. Сегодня мировая прибыль зависит, похоже, в большей степени от нестабильности, чем от порядка, чтобы с минимальными потерями пройти точку бифуркации и осуществить системный трансгресс — создать посткапиталистический социум, верхние ступени пирамиды которого будет занимать нынешняя мировая верхушка, их дети и внуки.

На сегодняшний день глобализация уже прошла три стадии своего развития — условно: «рейгановскую» (1980-е годы), «клинтоновскую» (1990-е) и «бушевскую». Ни одна из этих фаз не решила проблему структурного кризиса 1980-х годов (перепроизводство, перенакопление, снижение уровня мировой прибыли и темпов экономического роста), да и не могла решить. Целью глобализации было глобальное перераспределение мирового продукта и дохода от 80–90% мирового населения (средний и рабочий классы) к 10–20% (богатые).

Не случайно, что стартовала глобализация как наступление верхов на низы («тэтчеризм», «рейганомика»). Из трех фаз глобализации только вторая, «клинтоновская» носит относительно мягкий характер по сравнению с первой и третьей. Причин тому две:

1) главной задачей этой фазы была институционализация результатов наступления 1980-х годов, в том числе разгрома СССР;

2) возможность выкачивать средства из зоны бывшего соцлагеря и прежде всего

СССР на какое-то время смягчила глобализацию, а для США стала одной из причин экономического бума; последний, впрочем, не решил никаких структурных проблем и лишь отложил кризис, который наступил на рубеже 1990–2000-х годов. И последнее: именно за фасадом «клинтоновской» фазы, во-первых, окрепли и подготовились к генеральному наступлению неокконы; во-вторых, как показал Ч. Джонсон, существенно укрепили свою власть военные. Обе эти тенденции реализовались во время «бушевской» фазы, которая во многом стала повторением «рейгановской» в новых условиях.

7. Современная наука о России и о глобальном мире и образование неадекватны этим объектам — концептуально, понятийно, дисциплинарно. Приходят в упадок, «скукоживаются» целые социальные сферы (гражданское общество, политика), являющиеся базовыми объектами таких дисциплин, как социология и политическая наука. В то же время ощущается явная нехватка таких дисциплин, как теория и история социальных систем, глобалистика, социосистемная компаративистика. Современная наука об обществе и адекватное ей образование отстают от современного мира и его информпотоков на 25–30 лет, и отставание это будет нарастать, пока не будут созданы (условие необходимое, но недостаточное) новые формы науки и образования. Речь идет о таких дисциплинах, как теория и история социальных систем (социология и политология суть частные разделы этой теории, посвященные буржуазному обществу), россиеведение, глобалистика и др. Нужно помнить, что социально и геополитически нейтральных наук не бывает. Некритически воспринимая теорию, сконструированную для анализа западного общества, исследователь начинает смотреть на мир чужими глазами, а следовательно, в чужих интересах.

А. И. Фурсов повторил: сегодня у нас, да и во всем мире нарастает разрыв между наукой об обществе и мировым развитием, с одной стороны, и социально-гуманитарным образованием и наукой — с другой. По

сути, в полосу упадка вступил такой феномен эпохи Модерна, как университет — так называемая «болонская система» добьет его окончательно. Если учесть, что наука об обществе и образование становятся аренами борьбы за конструирование будущего, то тесная интеграция академической науки (того, что от нее осталось, того, что подает признаки жизни, того, что осознает глубину теоретико-методологического и организационного кризиса науки) и образования (того, что еще как-то функционирует на некоем уровне, того, что обладает умом и волей сопротивляться стихийной деградации образования и вносимому в нее «управляемому хаосу») становится задачей не одной из сфер общества, а общесоциальной задачей, решение которой необходимо не просто для победы в борьбе за будущее, а для участия в самой борьбе, без которой, как известно, нет побед.

Необходим поиск принципиально новых форм организации знания, в которых научные исследования, в котором исследовательский и образовательный процессы не просто взаимодействуют, а суть две стороны одного процесса, вследствие чего результаты исследований «с колес» идут в процесс образования, а студент таким образом включается в исследовательский процесс. Ясно, что центральным вопросом в этом плане является таковой субъекта нового научно-образовательного процесса, который и будет создавать новые системы и формы.

Теоретически наилучшие шансы на создание новых научно-образовательных форм имеет государство. Однако нация-государство постепенно приходит в упадок, а корпорации-государству ни Большая Наука, ни Большой Университет не нужны, его агенты не мыслят национальными и большими категориями. Поэтому не надо ждать помощи, надо действовать по принципу Грамши — «пессимизм разума, оптимизм воли» — и делать на своей профессиональной площадке то, что должно и можно сделать, создавая точки порядка и роста в зоне хаоса и научая молодых людей мужеству быть и мужеству знать.